

В.В. Знаков

САМОСОЗНАНИЕ, САМОПОНИМАНИЕ И ПОНИМАЮЩЕЕ СЕБЯ БЫТИЕ¹

В статье проанализированы проблемы взаимосвязи самосознания с самопониманием. С позиций психологии человеческого бытия дан положительный ответ на вопрос: может ли понимающее себя бытие рассматриваться не только как известная философская метафора (М. Хайдеггер), но и как реальный феномен самосознания, предмет психологического исследования? Человеческое бытие рассматривается как не тождественное жизни индивидуального субъекта. Это понятие соответствует рубинштейновскому понятию «мира» как совокупности вещей и явлений, соотносенных с взаимодействующими людьми, как организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, индивидуально-психологические особенности общающихся людей), в котором потенциально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Ключевые слова: самосознание, самопонимание, человеческое бытие, индивидуальная и групповая рефлексия, самоанализ коллективного субъекта, коллективная память, экзистенциальный опыт.

Основная цель статьи – с позиций психологии человеческого бытия ответить на вопрос: может ли понимающее себя бытие рассматриваться не только как известная философская метафора, но и как реальный феномен самосознания? Иначе говоря, является ли понимающее себя бытие предметом психологического исследования? Сразу скажу, что я собираюсь положительно ответить на этот вопрос. Для того чтобы это сделать, я вижу два взаимосвязанных направления анализа проблемы: первое заключается в кратком рассмотрении соотношения частного и общего, индивидуального и общественного в развитии самосознания и самопонимания субъекта; второе – в указании на те ценности и нормы, которые принимаются разными группами. Ценности и нормы становятся совместными ценностно-смысловыми основаниями

понимания людьми различных ситуаций человеческого бытия. Оба направления соответствуют современным тенденциям исследования сознания.

В российской психологической науке распространенным является положение о смысловой организации сознания, в частности, той его стороны, которая направлена на отражение, рефлекссию и порождение человеком себя. Я имею в виду самосознание. Например, по В.В. Столину, единицей самосознания является конфликтный смысл Я [15]. По В.П. Зинченко, смыслы являются образующими рефлексивного и бытийного слоев сознания [6]. Однако, как только психологи обращают внимание на смысл, они вольно или невольно переходят в плоскость

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 07-06-00059а.

исследования понимания. Понимание — это всегда смыслообразование, потому что неосмысленные знания о мире для субъекта мертвы.

То же относится к самопониманию, но отнюдь не к самопознанию.

В этом контексте важно обратить внимание на неодинаковость, нетождественность феноменов «самопознание» и «самопонимание». Познавая себя, субъект получает знания путем ответа на констатирующие вопросы типа «Какой я?» или «Что я знаю о себе?». В процессе самопонимания мы отвечаем на вопросы другого типа — причинные: «Зачем я так поступил?», «Почему этот человек мне не нравится?». Результатом самопознания оказываются *новые знания*, а самопонимания — *новый смысл* того, что человек уже знал о себе. Смысл в значительной степени является не когнитивным, а экзистенциальным образованием. В отличие от знаний, получаемых в результате мыслительной деятельности, смысл — это такое порождение экзистенциального опыта субъекта, которое основано на осознании им ограниченности когнитивных рациональных схем знаний о мире. Именно поэтому глубинные смыслы Я в большей степени доступны самопониманию, чем самопознанию. Процесс самопонимания дает субъекту возможность перехода к другим интерпретационным схемам, выхода на метауровень анализа себя, обращения как к глубинам, так и вершинам своего Я.

В результате человек становится способным выйти за свои пределы, в более широком, чем раньше, контексте представить и оценить себя. Такое самопонимание, с одной стороны, характеризуется меньшей осознанностью, но, с другой — более явным субъективным ощущением глубины, невысказанности и потенциальных возможностей развития собственного Я. Учитывая сказанное и инвертируя метафору Г.В. Иванченко [7],

можно сказать, что самопознанию открываются *истины* о себе, а самопониманию — *тайны*.

Современные исследования самопонимания [17–19] побуждают нас вернуться к вопросу о соотношении сознания, мышления и понимания. Вероятно, прав был российский мыслитель А.Ф. Лосев, который писал: «Мышление и понимание — принципиально различные сферы сознания... Мышление есть как бы некий механизм, превращающий неоформленное сырье в данные технически оформленные вещи. Понимание же заново перекаивает и переделывает эти вещи, придавая им новый стиль и новое единство, какого там, в первоначальном их появлении, совсем не было... Понимание даже не есть процесс чисто интеллектуальный, каковым, несомненно, является мышление» [9, с. 49].

Сегодня психологам необходимо осознать, что далеко не всякое мышление требует полного понимания, постижения смысла той проблемы, ситуации, которую человек осмысливает. Например, гуманитарий, случайно попавший на научный доклад по теоретической физике и задумавшийся над тем, о чем идет речь, в лучшем случае поймет только то, что обсуждаются проблемы физики твердого тела или квантовой электродинамики. И в большинстве случаев ему будет этого достаточно. А вот для понимания смысла поступка человека или лозунга политической партии необходимо выявить цели, которых они стремятся достичь, и ценности, на которые они ориентируются.

Обращение психологов к анализу специфики понимания природных и общественных явлений не одним человеком, а многими людьми означает необходимость перехода от исследований индивидуального субъекта к субъекту групповому и коллективному. Такая необходимость соответствует методологии современного научного познания.

Напомню, что в XX в. понимание стало рассматриваться учеными и философами не только как познавательная процедура психики индивидуального субъекта, а гораздо шире. Понимание перестало трактоваться только как интерпретация, осуществляемая субъектом. Оно стало связываться с экзистенцией, человеческим бытием и приобрело уже не гносеологический, а онтологический статус. Онтологизация представлена в философии М. Хайдеггера и Г.Г. Гадамера. Они начали описывать понимание как такое специфическое отношение к действительности, в котором люди выступают в качестве толкующего себя бытия, понимающего себя бытия.

Согласно западной экзистенциальной традиции, ясно выраженной М. Хайдеггером, человек — это «субъект», для которого мир является совокупностью противостоящих ему «объектов», иначе говоря, реальных или мыслимых предметов, которыми субъект владеет и пользуется, отвергает или уничтожает. Позиция М. Хайдеггера выражает типичное для экзистенциальной философии различие «бытия» и «существования». По мнению экзистенциалистов, «бытие» относится к окружающему человека природному и социальному миру, а «существование» — к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основной мотив различения у них заключается в том, чтобы подчеркнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни. Неудивительно, что такие крупные представители экзистенциального анализа и логотерапии, как А. Лэнгле и В. Франкл, говорили об «экзистенциальном антагонизме» и «экзистенциальном вакууме» [10; 16].

Принципиально иначе проблема соотношения бытия и существования решается в русской экзистенциальной традиции, в частности в персоналистической философии Н.А. Бердяева. В ней устанавливается различие между личностью и индивидуумом. Индивидуум есть категория природная и социальная. Индивидуум является такой неделимой частью целого (рода или общества), вне которого он не может быть назван индивидуумом. Он характеризуется стремлением к эгоистическому самоутверждению. «Поэтому индивидуализм, производный от слова “индивидуум”, совсем не означает независимости по отношению к целому, к процессу космическому, биологическому и социальному, а означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание ее против целого» [1, с. 38]. По Н.А. Бердяеву, человек есть микрокосм, универсум, но в качестве не индивидуума, а личности. Именно с личностью связана идея человека, его призвания в мире. Личность — это духовная категория, она характеризует свободу и независимость человека по отношению к природе, обществу, государству. Личности чуждо эгоистическое самоутверждение, наоборот: «Персонализм не означает, подобно индивидуализму, эгоцентрической изоляции. Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа» [1, с. 39].

Корни хайдеггеровского противоречия между бытием и существованием следует искать именно в индивидуалистической трактовке человека как существа хотя и социального, но эгоцентричного, направленного прежде всего на отстаивание своих интересов и удовлетворение собственных потребностей. Пути разрешения указанного противоречия, намеченные в персоналистической философии Н.А. Бердяева, в нашей психологической науке нашли наиболее полное

воплощение в субъектно-деятельностном подходе С.Л. Рубинштейна, психологии субъекта А.В. Брушлинского и таком современном варианте их развития, как психология человеческого бытия. В рамках названных концепций онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Следовательно, бытие включает в себя реально существующего субъекта.

Однако при анализе учеными понимающего себя бытия возникает *парадокс*. Он заключается в том, что в ситуациях человеческого бытия люди иногда становятся объектами познания и отношения. При этом они нередко *утрачивают* свою субъектную сущность не только для других, но и для самих себя. В частности, из медицинской практики известно, что врачи довольно часто на основании знания эффективных способов лечения болезней обходятся с пациентами как с объектами, отводят им роль пассивных, беспомощных реципиентов своих знаний и умений. После применения лекарственных препаратов больные физически чувствуют себя лучше, становятся более энергичными и менее депрессивными. Однако в то же время некоторые из них ощущают себя надломленными или неполноценными вследствие внешнего вмешательства, поскольку нормальной жизни без лекарств не было. Следовательно, назначая объективно полезные процедуры, врачи игнорируют индивидуально-психологические особенности ценностно-смысловой сферы больных и даже препятствуют ощущению себя полноценными субъектами, творцами своей жизни.

Понимая ситуации человеческого бытия, субъект вынужден рефлексировать,

направлять внимание на свой внутренний мир. Неудивительно, что, изучая психологию субъекта, исследователи обращаются к психологическому анализу процессов самопознания и самопонимания испытуемых.

При этом испытуемый-субъект одновременно становится объектом, на который направлено его внимание. Неизбежным следствием этого оказывается самоотрицание: становясь объектом понимания, субъект оказывается недосягаемым для сознания, бесконечным, неопределенным и потому теряющим свою субъектную сущность. При этом серьезной экзистенциальной проблемой оказывается включенность субъектов в ситуации, делающая практически невозможным четкое отделение их от себя. Неудивительно, что В. Франкл считал, что самопознание ведет к утрате субъектности. Важная причина утраты субъектности современным человеком кроется в отсутствии навыков самопознания и самопонимания. В современном обществе нежелание, неумение, боязнь многих людей познать и понять себя наблюдается не только в межличностных отношениях, но и на уровне массовых проявлений социальной активности. Например, за поступками многих «борцов за социальную справедливость», членов различных партий, обещающих народу лучшую жизнь, ясно видна их неспособность обратить внимание на самих себя, сосредоточиться на решении своих проблем.

По мнению многих ученых, в частности Ф. Фролиха [20], самопонимание является обязательным условием понимания других людей. Понимание другого, по сути дела, есть обнаружение Я в Ты. Неудивительно, что, не понимая себя, такие политические деятели плохо понимают избирателей и выдвигают соответствующие политические и социальные программы.

Как отмечает современный немецкий психолог В. Келер [22], самопонимание

является серьезной проблемой еще и потому, что человек даже при наличии желания, соответствующей мотивации может не понимать себя. Истоки проблемы самопонимания следует искать в расхождении между тем, как анализирующий себя человек действительно понимает себя, и тем, как он должен понимать, т.е. должен был бы понимать себя в соответствии со своим настоящим, подлинным бытием. Немалые сложности возникают вследствие существования трех не совпадающих типов представлений о себе: во-первых, реального, по мнению субъекта, образа Я; во-вторых, такого, каким он хотел бы быть (желаемого Я); в-третьих, образа того, чего он о себе реально не знает (образа, соответствующего его сущности, подлинному бытию).

Таким образом, современный человек становится проблематичным для самого себя: нередко он оказывается в положении, в котором не знает, *что* он есть. Одновременно он осознает, что у него нет никаких способов это узнать. Для специалистов по психологии понимания такая точка зрения не является новой и неожиданной. В самопонимании, как и вообще в понимании, большую роль играет осмысление, анализ знания, имеющего для субъекта проблемный характер. Проблемное знание отражает область тех не известных субъекту закономерностей, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия. Проблемность в значительной мере оказывается следствием того, что, пытаясь понять внешний мир, ориентируясь на его ценности, субъект как бы *выходит за пределы себя*. В результате, он оказывается скрыт, потерян для самого себя, заслоняем миром, его сложными проблемами. Неудивительно, что исследования показывают, что экзистенциально важное для субъекта жизни самопонимание закономерно включает моменты «потери себя».

Понятие «выхода за пределы себя», во-первых, соответствует методологии современного научного познания. Например, М.К. Мамардашвили полагал, что для того чтобы быть самим собой, человек должен постоянно превосходить себя [11]. Очень показательным в этом отношении оказывается акт понимания. Понимание — это и личностное изменение человека, и его «выход за свои пределы»: превосходство над собой, над тем Я, каким субъект был до понимания. Об этом очень точно сказал Ж.П. Сартр: «Понять — значит измениться, превзойти самого себя...» (цит. по [14, с. 348]).

Во-вторых, понятие «выхода за пределы себя» побуждает ученых перейти от психологического анализа самопонимания субъекта к изучению природы понимающего себя бытия. Такой переход не возможен без современного переосмысления классической проблемы «бытие и сознание». Как известно из работ В.С. Степина и других исследователей, в XX в. представления о научной рациональности эволюционировали от фокуса на наблюдаемом мире к фокусу на познающем субъекте, а затем и к фокусу на пространстве между субъектом и объектом, то есть на интересующем мире.

В отечественной психологии сознание и самосознание человека долгое время рассматривались как производная от его деятельности и общественного бытия. Сегодня точка зрения на происхождение и природу этого феномена изменилась. В гуманитарных науках распространенным является утверждение о том, что интра- и интересубъективность сознания и самосознания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности. Как отмечал российский философ Ф.Т. Михайлов, индивидуальное и общественное сознание «одновременно, как нечто единое, нерасчлененное творятся и творчески воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе» [13, с. 2]. Сходную

точку зрения высказывал В.П. Зинченко. Он говорил о том, что сознание «находится не столько в индивиде, сколько между индивидами. Конечно же, сознание — это свойство индивида, но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и надиндивидуальных или трансперсональных отношений» [6, с. 21].

В западной дискурсивной психологии, в конструктивизме сегодня доминирует утверждение, что знание не только возникает внутри сообществ познающих субъектов, но и определяет то, что мы считаем реальностью. Согласно К. Гергену, знание — это не индивидуальный ментальный образ. Знание следует анализировать не как то, что находится в головах людей, а как нечто, что они совместно создают в ходе языкового взаимодействия [21].

Такая точка зрения, в сущности, выражает полное недоверие к категории *отражения* и признает только *порождение*. Порождающий характер человеческой психики не может вызывать сомнения. Порождающая творческая специфика ситуаций человеческого бытия, представленных во внутреннем мире субъекта, определяет то, как он видит и понимает события, факты, фрагменты жизни. Например, целые города. Вот как говорит об этом писатель А. Кабаков: «Вероятно, таких, как я, в мире много: мой Нью-Йорк создан фильмами Вуди Аллена. Этот великий поэт великого города выдумал его, как Гоголь и Достоевский выдумали Петербург, как Булгаков — Москву, а Хемингуэй — Париж...» [8, с. 1].

В психологии конструктивистская парадигма выглядит очень современной и привлекательной, если игнорировать ее радикализм. Фактически из нее следует, что не может быть не только общепринятого объективного научного знания о мире, но и самого мира. Мир оказывается столько, сколько вариантов лингвистических

конструкций порождается в intersubъективных взаимодействиях.

Вместе с тем нельзя не признать, что конструктивистская психология акцентирует внимание на чрезвычайно важном аспекте порождения психического, указывающем на необходимость поиска многих феноменов не только внутри ментального и экзистенциального опыта субъекта, но и в межсубъектном пространстве. К упомянутому феномену относится и понимающее себя бытие.

Понимающее себя бытие как научная проблема заключается прежде всего в ответе на вопрос: кто понимает себя — один субъект или в этом случае можно говорить только о такой совокупности людей, которую в социальной психологии называют групповым субъектом? Многие современные психологи при анализе закономерностей порождения психического указывают на необходимость поиска различных психологических феноменов не только внутри ментального и экзистенциального опытов субъекта, но и в межсубъектном пространстве.

По С.Л. Рубинштейну, бытие, рассматриваемое как объект, в частности предмет психологического познания, — это всегда бытие, включающее субъекта. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Специфические способы существования человека проявляются в функционировании сознания и реализации действий [12]. Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект — это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода, т.е. субъект, воплощающий в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие скорее соответствует рубинштейновскому понятию «мира» как совокупности вещей и явлений, соотносенных с взаимодействующими людьми,

как организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности индивидуально-психологические особенности общающихся людей), в котором потенциально представлено общее — весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Одним из перспективных направлений психологического анализа того, как человеческое бытие понимает себя, является соотнесение *общего и индивидуального* в психике взаимодействующих субъектов, а также объединяющих их ценностно-смысловых оснований понимания ими разных проблем. Следовательно, лежащие в основе понимания знания и смыслы возникают *и* как то, что может быть отнесено к психике конкретных людей, *и* к intersубъектным ценностям, нормам, смыслам. Вместе с тем понимающее себя бытие основано не только на общности знаний и группового самоанализа. Оно базируется также на самопонимании взаимодействующих субъектов, которые согласны в принятии или отвержении того, что и как, по их мнению, *должно* происходить в социальном мире.

Итак, понимающее себя бытие основано на единстве общего и индивидуального. Без обращения понимающих ситуацию субъектов к своему внутреннему миру — знаниям, смыслам, ценностным ориентациям — невозможно формирование такого группового бытия, которое понимает себя на основе общих знаний, смыслов и ценностей. Последние неразрывно

внутренне связаны с экзистенцией: для человека существовать — это не просто жить. Подлинно человеческое существование предполагает осознание *должного* и осуществление соответствующего ему проекта собственной жизни. На это указывали С.Л. Рубинштейн и В. Франкл, заложившие основы психологии человеческого бытия.

Осмысление бытия, интерпретация понимающим субъектом конкретных жизненных ситуаций и событий, с одной стороны, побуждают его фокусировать внимание на фундаментальных *общих* основах человеческой жизни. При этом он, не утрачивая понимания своей уникальности, психологической неповторимости, одновременно осознает себя типичным представителем рода человеческого. С другой стороны, понимание и интерпретация не возможны без обращения субъекта к *индивидуальному*: исследованию своего личностного знания, установок, мировоззрения — вообще внутреннего мира.

С психологической точки зрения, без анализа соотношения общего и частного невозможно осуществить различение феноменов самопонимания индивидуального субъекта и понимающего себя бытия, отнесенного также и к групповому субъекту.

Еще Н.А. Бердяев, развивая идеи персоналистической философии, говорил о том, что универсальность человека прямо пропорционально связана с его индивидуальностью: чем более субъект индивидуален, тем более он универсален. «Личное в человеке есть как раз то, что в нем не общее с другими, но в этом не общем заключена потенция универсального» [1, с. 23]. Онтологически первичным является человек, а не общество, состоящее из людей. Следовательно, не человек — часть общества, а наоборот.

Описание личности в экзистенциальном персонализме Н.А. Бердяева

удивительно напоминает современное определение субъекта [2]. Содержательно совпадение названных категорий проявляется, прежде всего, во взглядах ученых на взаимодействие человека и мира, субъекта и объекта.

По А.В. Брушлинскому, «субъект — это человек, люди на *вышем* (для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т.д. Следовательно, этот высший уровень всегда *индивидуализирован* относительно каждого конкретного человека или группы людей (с учетом их мотивации, способностей и т.д. в реальных исторических условиях). Субъекты — не обязательно герои, выдающиеся деятели и т.д. *Любой* человек не рождается, а становится субъектом» [3, с. 525].

По Н.А. Бердяеву, личность невозможно познать, рассматривая ее как объект, наряду с другими объектами природного и социального мира. «Так познается человек частично, но не тайна человека, как личности, как экзистенциального центра мира. Личность познается лишь как субъект, в бесконечной субъективности, в которой скрыта тайна существования» [1, с. 23]. Социализация вредит развитию личности, если она распространяется на глубину существования, на духовную жизнь человека. В этом случае социализация превращается в торжество социальной обыденности, тиранию обобщенного, нивелированного среднего над личностно-индивидуальным. «С экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности, ее социальная сторона, как и космос есть часть личности, ее космическая сторона. Личность не объект среди объектов и не вещь среди вещей. Она субъект среди субъектов, и превращение ее в объект и вещь означает смерть» [1, с. 28]. Однако, как известно, в нашем отечестве массовое сознание, игнорируя духовную реальность, искажило глубокие мысли Н.А. Бердяева. Превратив их в

свою противоположность, оно установило приоритет группового, коллективного по отношению к индивидуальному.

В наше время сходные мысли высказывал Ф.Т. Михайлов. Он говорил о потребности каждого из нас в слиянии осознаваемого переживания своего бытия с внутренним миром других людей. В каждый момент бытия осознаваемая субъектом самость, собственное Я творится им как нечто уникально индивидуальное и в то же самое время — как всеобщезначимое. И только во всеобщей форме самосознание человека может стать индивидуальным и уникально субъективным как для себя, так и для всех других [13, с. 4].

Какое отношение универсальность и индивидуальность человека по Н.А. Бердяеву, А.В. Брушлинскому и Ф.Т. Михайлову имеет к понимающему себя бытию? Самое непосредственное. Дело в том, что в основании понимания бытием себя лежит самопонимание взаимодействующих субъектов. Они не только обращают мысленный взор на свой внутренний мир, но и осознают причастность к общим ценностям и смыслам.

Человеческое в подлинном смысле слова бытие порождается встречным движением. Одно направление движения — это осознание субъектами воплощенности в себе интеллектуальных, духовных, этических, эстетических начал Человека с большой буквы; другое — приобщенность к разделяемым группой нормам, ценностям, смыслам, которые способствуют общности понимания ситуаций человеческого бытия.

Понимание взаимодействующими субъектами себя, с одной стороны, основано на осознании и своей уникальности, и общечеловеческой сущности. С другой стороны, самопонимание не просто зависит от понимания человеком других. Оно порождает некую общность правил, принципов понимания участниками общения

себя. Реализация этих правил образует межсубъектную основу не только самопонимания партнеров, но и понимания той ситуации, в которой они находятся. Иначе говоря, понимание себя и мира индивидуальными субъектами неразрывно связано с их пониманием групповым субъектом. Следовательно, понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство индивидуального и общего. В частности, оно основывается как на индивидуальной, так и на групповой рефлексии. Неудивительно, что одним из наиболее актуальных направлений изучения понимающего себя бытия сегодня являются исследования самоанализа группового субъекта [5]. Такие исследования проводятся, например, в Институте психологии РАН.

Что касается необходимости общности знаний и ценностей, обязательных для взаимопонимания, то она вытекает как из обобщенного мнемического условия понимания, так и из аксиологических оснований психологии человеческого бытия. Люди могут понять друг друга только в том случае, если у них сходный тезаурус знаний и примерно одинаковые ценностные ориентации. К сожалению, в современном мире множество противоположных примеров. В частности, именно из-за расхождения во взглядах большинству из нас трудно понять людей, которые из идейных соображений совершают теракты.

Традиции исследования общности существуют и в отечественной, и в западной психологии. Российские психологи описывают коллективную память как условие конструирования социальных представлений и взаимопонимания больших групп людей [4]. Западные ученые исследуют совместно разделяемый жизненный опыт. Они также утверждают, что персонификация коллективов и социальных групп, приписывание им психологических черт, присущих отдельным людям,

в частности самопонимания, является нормальным явлением [22]. Результаты таких исследований, безусловно, положительно повлияют на развитие научных представлений о природе понимающего себя бытия.

Итак, человеческое бытие образуют индивидуальные и групповые субъекты, каждый из которых воплощает в себе и индивидуальные, и общечеловеческие психологические черты. Неудивительно, что такое бытие, осуществляющееся в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций, может понимать себя. Понимание бытием себя основано на самопонимании взаимодействующих субъектов, групповом понимании и общих для общающихся людей нормах, ценностях, смыслах.

Литература

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М., 2006.
2. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.; СПб., 2003.
3. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М., 2006.
4. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
5. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М., 2002. С. 51–81.
6. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
7. Иванченко Г.В. [Рецензия] // Человек. 2006. № 4. С. 184–186. – Рец. на кн.: В.В. Знакова «Психология понимания: проблемы и перспективы». М., 2005.
8. Кабаков А. Город по выбору // Саквояж СВ. Журнал для путешественников. 2006. С. 1, 8.
9. Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997.
10. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: сборник статей. М., 2006.

11. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996.
12. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
13. Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы // отв. ред. Ф.Т. Михайлов. М., 1997.
14. Соколов Б. Понимание понимания: понимание Платоновского понимания // Парадигмы философствования. Вторые Международные философско-культурологические чтения. СПб., 1995. С. 346–352.
15. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
17. Connolly M.B., Crits-Christoph P., Shelton R.C., Hollon S., Kurtz J., Barber J.P., Butle S.F., Baker S., Thase M.E. The Reliability and Validity of a Measure of Self-Understanding of Interpersonal Patterns // J. of Counseling Psychology. 1999. V. 46, N 4. P. 472–482.
18. Cook-Greuter S.R. Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London, 1994. P. 119–143.
19. Damon W., Hart D. The Development of self-understanding. Cambridge, 1988.
20. Frohlich V. Sich selbst verstehen? // Menschen verstehen: Wieder die «Spinneweben dogmatischen Denkens» / Hrsg. von G. Bittner. Wurzburg, 2005. S. 35–42.
21. Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // American Psychologist. 1985. N 40. P. 266–275.
22. Kähler W.R. Personenverstehen: Zur Hermeneutik der Individualität. Frankfurt & Lancaster, 2004.